

Из записок сержанта*

В. Д. Демин — ветеран 5 армии. В октябре 1941 – январе 1942 гг. сержант радист взвода связи, третьего стрелкового батальона 601СП. Воспоминания написаны в 1980 г.

Короткий осенний день, от нависших туч и беспрерывно морозящего дождя, становился короче и уже было темно, когда части дивизии, сгрузившись с автомашин, расположились в лесу у Голицыно по обеим сторонам Минского шоссе. Только здесь у Голицыно кончилось гадание бойцов: «На какой фронт попадут?» Попали на самый важный, самый главный — оборонять Москву!

Прибыло несколько автомашин с солдатскими ботинками. Все, кто имел потрепанную обувь, заменили на новую. Ботинки брали размера на два больше, впереди была зима, на ноги наматывали по две теплые портянки. В полночь, построившись прямо на шоссе, оставив ранцы у ног, имея при себе оружие и боеприпасы, части дивизии тронулись на Запад. Перед рассветом справа осталась Кубинка. В Наро-Осанове дивизия разделилась. 601-й краснознаменный мотострелковый полк продолжал следовать по Минскому шоссе, а 602-ой мотострелковый взял направление по Можайскому шоссе. И у деревень Ляхово и Крымская занял исходное положение.

В полдень 26-го октября 1941 года 82-ая Пермская мотострелковая дивизия начала наступление на врага.

Боевое крещение,

Третий стрелковый батальон 601-го краснознаменного стрелкового полка, где я служил радистом во взводе связи, перед наступлением развернулся правее Минского шоссе.

* ГВВИМЗ. НВФ. Д.1163.

С чувством, вызываемом будущей неизвестностью, бойцы ждали приказа наступать. Кто-то сообщил, что противник находится на расстоянии выстрела, и что в наступлении нас будет поддерживать танковая бригада.

Прошло минут тридцать, а приказа о наступлении из штаба полка все не было, не подведена была к батальону и телефонная связь. Лейтенант Соснин, командир взвода связи батальона, приказал мне "лететь" на полковой узел связи и узнать там, почему у батальона нет связи. Разыскав, узел связи, который расположился левее Минского шоссе метрах в пятистах позади передовой линии, я встретил дежурного узла командира радиовзвода роты связи лейтенанта Серенко и доложил ему о цели своего прихода. Лейтенант удивился и, сообщив, что нитку к третьему батальону утянули минут двадцать тому назад, подал ее мне в руки.

С мыслью, что расчет телефонистов пошел не в том направлении, не спрашивая лейтенанта больше ни о чем, я бегом бросился по линии, стараясь "свою" нитку не перепутать с другими.

Подбежав к шоссе, вдоль которой по кромке леса тянулось несколько брошенных линий, свою нитку перепутал с ними. Моя нитка пошла по кромке леса в сторону противника. С неотступной мыслью быстрее догнать расчет и повернуть его в нужном направлении я пробежал километра два, а моя нитка, отступая метров сто от кромки леса, все дальше и дальше шла на Запад.

Мелкий непрекращающийся дождь и насквозь промокшая шинель сделали свое дело. Тяжело дыша, я вошел в густой ореховый кустарник, посреди которого виднелась небольшая полянка. Хотел, было выйти на нее, так как нитка, пересекая

полянку, тянулась дальше, как справа услышал разговор. Мелькнула радостная мысль: «Догнал!» Остановился, прислушался, чтобы определить точное направление к разговаривающим, но что это? Разговор был на непонятном мне языке. И снова сработала мысль, может быть расчет из казахов или грузин, а такие телефонисты были в роте связи. Разговор приближался. Присел, чтобы из-под кроны кустарника лучше разглядеть приближающихся, но густой кустарник скрывал все пространство. Разговор слышался все ближе и ближе. Разговаривали довольно громко. Инстинкт самосохранения заставил меня забраться в самую гущу кустарника. Метрах в двенадцати – пятнадцати от меня со стороны шоссе на поляну из кустарника вышло человек десять солдат: «Цвет шинелей? В нашей армии таких шинелей нет! Оружие? И оружия такого нет». Громко разговаривая, солдаты пересекли в Южном направлении поляну и стали удаляться глубже в лес. Из разговора солдат уловил некоторые слова из немецкого языка, который когда-то изучал в школе, и только тогда до моего сознания дошло, что это фашисты. Вступить с ними в бой я не имел возможности по простой причине — у меня не было оружия. Еще в Монголии половину винтовок взвод связи перед отправкой на фронт передал в стрелковые роты, где их не хватало. У меня имелось в кармане шинели две гранаты Ф-1, но применить их было уже поздно. Когда голоса удалились на значительное расстояние, я бросился назад, хотя голову сверлила мысль, что расчет телефонистов ушел в распоряжение противника. Пробежав несколько сот метров, увидел брошенную кем-то нашу полуавтоматическую винтовку. Попробовал затвор — работает, в магазине имеются патроны. Винтовка была вся ржавая: «На первых порах сойдет, а ржавчину отчищу», — с этой мыслью

побежал дальше. Пробежав километра полтора, услышал впереди голоса, остановился, прислушался. Говорили по-русски. Впереди среди сосен увидел наших бойцов. Во главе боевых походных цепочек шел младший лейтенант. Карташов, рослый, плечистый парень — любимец бойцов седьмой роты. Увидев и узнав меня, удивился, как же я оказался впереди батальона. Я кратко рассказал ему о встрече с вражескими солдатами. Он остановил продвижение роты. Подошел командир роты лейтенант Цвилия и они стали совещаться. Спросив у младшего лейтенанта Карташова, где находится взвод связи, уже успокоившись, двинулся дальше. Вскоре увидел своих друзей-связистов. Доложил лейтенанту Соснину о своем беге за расчетом из роты связи и о встрече с противником. Лейтенант успокоил меня и сказал, что связь давно уже протянута и расчет телефонистов находится в батальоне: «Видимо ты перепутал наш провод с брошенными линиями, за то время, что ты бегал, наш батальон получил приказ перейти на левую сторону шоссе и начать наступление». Вскоре в той стороне, где произошла моя встреча с фашистами, раздались винтовочные выстрелы, а вслед за этим неторопливо заговорил наш "Максим". Наши роты вступили в бой. Выстрелы винтовок и пулеметов распространялись все дальше в лес и направо на Минское шоссе и за него. Вступили в бой все батальоны нашего полка, а севернее Минского шоссе — батальоны 602-го полка. Случайность, что я не попал в руки противника. Впоследствии стало известно, что такое же произошло в это же время с расчетом телефонистов во главе с младшим лейтенантом Зариповым из батальона связи дивизии. Младший лейтенант Зарипов, до армии учитель из Удмуртии, при был в дивизию как рядовой боец, в декабре месяце в Свердловском эшелоне. В 1941 году все бойцы, имевшие среднее

и высшее образование, прошли специальные курсы и были аттестованы на командирские должности.

Являясь начальником направления проводной связи от штаба дивизии к штабу полка, он потянул связь к 602-му полку, взяв направления по азимуту.

602 полк исходные позиции для наступления занял по ту и другую сторону Можайского шоссе. Младший лейтенант Зарипов, имея в подчинении двух телефонистов, нагрузившись бобинами с телефонным кабелем, потянул связь по прямой линии через лес. Видимо он получил неточные данные места расположения штаба полка. Миновав полк, он вышел к деревне Труфановка. Недалеко от крайнего к лесу дома он остановил расчет, а сам пошел к дому узнать, где располагается штаб полка. Подошел к крыльцу, на которое в это же время вышел военный, громко спросил его так, что это было слышно телефонистам, находившимся в метрах в ста от него: «Где располагается штаб...» и потянулся к кобуре с пистолетом. На крыльце находился фашист. Видно он тоже опешил, увидев перед собой вооруженного советского офицера, но опомнился быстрее, нежели мл. л-т Зарипов. Автоматная очередь срезала Зарипова, вторая очередь пришлась по телефонистам. Один из них был ранен. Побросав бобины с кабелем, они сумели добежать до кустов у леса и скрыться в нем. Когда полк занял Труфановку, Зарипова нашли лежащим у крыльца в луже крове. Зарипов был первым погибшим в дивизии.

Нас готовили воевать, бить и побеждать противника, но мы не знали простого — его форму одежды, его оружие и тактико-технические данные этого оружия.

Интенсивность боя третьего батальона возросла при переправе через болотистый, заросший кустарником ручей. Здесь

на славу поработали пулеметчики третьей пулеметной роты. Переправившись через ручей, обнаружили первых убитых, около десяти фашистов, в том числе один офицер.

По мере продвижения наших подразделений сопротивление противника нарастало. Вскоре с их стороны вступили в бой танки и бронетранспортеры, но, несмотря на это, ведя наступательный бой, мы продвигались вперед. Наступление поддерживалось полковой артиллерией и артдивами 82-го артполка.

К вечеру 26-го октября 601-ый полк освободил деревню Костино и левым флангом вышел к деревне Хомяки, а правым был на подступах к перекрестку Минского шоссе с Верейским. 602-ой полк, освободив деревни Труфановку и Капань, подошел к железнодорожной станции Дорохово. Справа от Тучково наступала 50-ая стрелковая дивизия.

Танки и бронетранспортеры противника действовали по шоссе-ным дорогам. Наши подразделения наступали по лесу.

17.

Уничтожая фашистских автоматчиков, двигались все дальше на Запад, заходя в тыл танкам и бронетранспортерам противника, которые вынуждены были отходить.

После переправы через речку батальон разделился. Седьмая рота продолжала наступать левее Минского шоссе, а восьмая, девятая и третья пулеметная со штабом батальона пересекла шоссе и продолжала наступление правее его по лесному массиву между Минским и Можайским шоссе. По мере продвижения рот огонь противника усиливался. С Можайского шоссе по нам били танки и бронетранспортеры бронебойно-зажигательными снарядами и крупнокалиберные пулеметы. Перед сумерками небо несколько прояснилось. Появились самолеты с крестами на крыльях. До сих пор самолетов

противника мы не видели. Они начали с бреющего полета обстреливать нас с воздуха. У нас появились первые убитые и раненые. Среди раненых в тяжелой форме был любимец всех бойцов батальона адъютант батальона лейтенант Баринов. Низко над лесом на Запад пронесся фашистский самолет, оставляя позади себя густой черный дым. Видимо постарались наши зенитчики. По противнику усилился огонь наших артдивов. С Можайки обстрел прекратился. Справа с нами соединилось подразделение 602-го полка. Наступили сумерки, дождь снова усилился. Бой прекратился. Кончались боеприпасы. Доставка их еще не была организована.

Когда стихли последние выстрелы, бойцы начала собираться небольшими группами и делиться впечатлениями первого боевого дня и, конечно, делать свои солдатские выводы. Первый вывод был тот, что не так уж страшен автоматный огонь с его разрывными пулями. Второй вывод, что хотя противник и применяет большую плотность автоматического огня, урон в батальоне не так уж большой. Некоторые успели выяснить, что общие потери батальона около двадцати человек. Постепенно разговор стихал. Последние два дня без сна и еды давали себя знать. Неприкосновенный запас продуктов остался в ранцах у Голицыно. Бойцы приваливались к соснам и засыпали. Некоторые ложились вместе по двое и по трое. Расстилали на землю плащ-палатки, а вторыми укрывались. Насквозь промокшие шинели не спасали от холода. Земля была пропитана водой, моросил дождь, но усталость брала свое. Бойцы засыпали.

Ночью дождь перестал, но усилился холод. Задолго до рассвета бойцы уже были на ногах. Шутя и толкаясь друг о друга, разминали замерзшие тела. Эти оставшиеся несколько часов до рассвета показались вечностью. С рассветом большой радостью

было показавшееся солнце.

Пришли кухни. Привезли пшеничную кашу с мясом. Так как ни котелков ни ложек с нами не было, брали кашу кто во что, Кто в каски, предварительно удалив из них мягкие внутренности, кто подставлял плащ-палатки. Получили первые "наркомовские" сто граммов и к ним граммов по двести колбасы. Кто щепками, а кто и прямо руками, сидя вокруг палаток, уминали кашу. После ста граммов, вдоволь за два дня насытившись кашей, бойцы повеселели. Некоторые скинули шинели и подставили свои животы под солнце. Наверяд ли когда-нибудь забудется первый фронтной завтрак. Противник видимо тоже завтракал. Стояла тишина ...

Командиры рот подали команду: «Приготовиться к бою!» Не успели бойцы разойтись по своим взводам, как далеко на Западе и на Можайке запели немецкие автоматы. Кто-то громко сказал: «Трусят». И действительно там на Западе и на Можайке наших бойцов не было. Все были у кухонь.

Батальон снова пошел в наступление. К обеду выгнали фашистских автоматчиков из леса. Батальон вышел на кромку леса. Впереди метрах в трехстах поле пересекало Верейское шоссе. Справа просматривались деревня Щелковка и поселок Дорохово, слева перекресток Минского шоссе с Верейским, который с Юга лесом охватывала седьмая рота.

На перекрестке и за ним по кромке леса и прямо на Минском шоссе виднелось несколько танков и бронетранспортеров противника. Вдоль Верейского шоссе от Щелковки до Минского шоссе окапывалась пехота. Седьмая рота ударила из пулеметов по перекрестку. В ответ противник открыл огонь из танков и бронетранспортеров. Наша полковая артиллерия, следуя за батальоном по Минскому шоссе, выкатила

орудия на гребень высоты и открыла по танкам огонь. На перекресток обрушились снаряды наших артдивов.

Загорелся один танк противника, за ним — второй. Остальные стали отходить по Минскому шоссе на Запад. По правому брустверу шоссе бойцы восьмой роты продвинулись также к перекрестку. Противник на батальон обрушил шквальный минометный огонь. Девятая рота, начав наступление на Шелковку, была прижата к земле и, понеся некоторые потери, отошла на опушку леса. Так закончился второй день нашего наступления.

В этот день первый батальон 601-го полка занял деревню Хомяки, а 602-ой полк подошел к станции Дорохово. От здания станции его отделяла железная дорога. Ночью фашисты неоднократно обрушивали на нас минометный и артиллерийский огонь. На рассвете следующего дня фашистские автоматчики плотными цепями пошли в атаку на девятую роту, но общими усилиями бойцов роты, пулеметчиков третьей пулеметной и артиллеристов полка атака была успешно отбита. Последовавшая танковая атака на перекресток шоссе дорог также была отбита. Потеряв от нашего артиллерийского огня несколько танков, фашисты вынуждены были отойти.

Седьмая рота прочно оседлала перекресток Минского шоссе с Верейским. Но деревню Хомяки первый батальон удержать не сумел. После упорного боя с фашистскими автоматчиками, понеся значительный урон от минометного огня противника, батальон отошел на Север на опушку леса.

Второй батальон, наступая лесом в Юго – Западном направлении сумел продвинуться только до дороги от деревни Хомяки на Верейское шоссе, где и окопался. Ночью восьмая рота была передвинута на левую сторону Минского шоссе на стык

седьмой роты со вторым батальоном. С этого дня и до второго ноября мы уже не различали дня и ночи, бой шел и днем и ночью.

На участке девятой роты, командиром которой был лейтенант Цветков, в последующие дни бои шли с переменным успехом, то рота доходила до Верейского шоссе, то отходила в лес. Немцы наступали густыми цепями, доходили до леса, а затем, не выдержав контратаки роты, бежали к Верейскому шоссе. Так повторялось много раз. Рота с нашей стороны и не менее батальона — с фашистской. Подлинный героизм в этом бою проявляли пулеметчики станковых пулеметов. На стыке седьмой роты с девятой пулеметчики оборудовали ячейку посреди пяточка кустарника на поле между лесом и Верейским шоссе, чуть севернее возвышенности, через которую проходило Минское шоссе. Недалеко там же в кустарнике была другая пулеметная точка. На третий день боя из расчета остался один человек, соседняя точка замолчала совсем.

Погибшие товарищи находились тут же в ячейке. В этот день было отбито уже несколько фашистских атак. Один пулеметчик действовал за весь расчет. В очередном отражении атаки он бил до последнего патрона. Поле было усеяно трупами фашистов, а они все перебежали, ползли и обтекали ячейку. Малочисленный состав девятой роты отошел в лес. Фашисты прорвались к лесу. Пулеметчик оказался в окружении. Кончились патроны. И тут сработал инстинкт самосохранения, он лег на дно ячейки и прикрылся телами погибших товарищей. Фашисты постреляли по ячейке и прошли дальше. Бой шел в глубине леса. Пулеметчик вылез из ячейки, огляделся. Фашистов поблизости не было.

Он сползал в соседнюю пулеметную ячейку, забрал там боекомплект, заправил свой пулемет и стал ждать. Он

чувствовал, что фашисты снова побегут из леса обратно, как бегали уже не раз. Он не ошибся. Фашисты, не выдержав боя в лесу, побежали полем к Верейскому шоссе и Шелковке. Вот тут-то и сказал свое это пулеметчик. Он косил их со все присущей ему к врагам злостью.

На перекрестке Минского шоссе с Верейским там, где сейчас стоит столовая - кафе, дралась седьмая рота. Полковая артиллерия, располагавшаяся по кромке леса с южной стороны Минского шоссе позади седьмой роты, била прямой наводкой по танкам противника.

Артиллерия и бойцы седьмой роты во главе с лейтенантами Цвилия и Карташевым гранатами отбивали по несколько танковых атак в день. Там, где сейчас памятник Зое Космодемьянской и пост ГАИ, стояло несколько десятков подбитых и сгоревших фашистских танков. Левее седьмой в густом лесу дралась восьмая рота, а дальше фронтом на Юг не менее яростные бои вели второй и первый батальоны. Деревня Хомяки уже несколько раз переходила из рук в руки. Старшина разведроты полка Михайлов с группой разведчиков пробрался к фашистам в тыл и около Верейского шоссе захватил у противника танкетку с медикаментами. Старшина сел за руль, а три его товарища в танкетку, и с боем по лесной дороге прорвались в расположение первого батальона. В последующих боях Михайлов на танкетке отражал атаки фашистов на Хомяки. В одном из боев вражеский броневой снаряд пробил лобовую часть танкетки и пробил грудь старшины. Эта танкетка с погибшим Михайловым так и стояла посреди улицы Хомяков до ее освобождения в январе 1942 года. Забегая вперед с сожалением надо отметить, что жители деревни, вернувшиеся после ее освобождения, ведя захоронение погибших наших

бойцов, посчитали старшину за фашиста и зарыли тут же на обочине дороги, не обозначив места захоронения.

Такие же упорные кровопролитные бои вел и 602-ой полк на Можайском шоссе и у станции Дорохово. Бои не прекращались ни днем, ни ночью. Нам в третьем батальоне казалось, что на нашу долю досталось больше всех. Через три дня лес между Можайским и Минским шоссе представлял собой сплошной лесной завал.

Ежедневно сотни и сотни мин, снарядов и авиабомб обрушивались на этот небольшой участок леса. Самые большие потери у нас были от минометного огня. Стрелковые ячейки открытого типа, которые мы учились строить в Монголии, в лесу не спасали нас. Мины, задевая за ветки деревьев, взрывались вверху, поражая осколками бойцов, находящихся в ячейках.

Одной миной в нашем взводе связи в ячейках сразу было ранено четыре связита и один убит. Погиб Александр Федотович Вихорев двадцатидвухлетний парень из Кировской области, единственный сын у матери. Это был первый погибший связист нашего взвода.

На третий день боя над половиной ячейки стали делать земляную насыпь. Потери уменьшились. К первому ноября в подразделениях оставалось менее половины бойцов, но оставшиеся дрались за полные подразделения. Выбыла большая часть командного состава. Тридцатого октября в Хомяках погиб комбат первого батальона капитан Петров, награжденный за Халкингольские бои орденом Красного Знамени. Был тяжело ранен комиссар полка. Командиров взводов заменяли младшие командиры или даже рядовые бойцы. Погибли или были ранены почти все политруки рот — самые энергичные организаторы отражения фашистских атак. Нас оставалось мало, а фашисты

лезли все яростнее и нахальнее, как будто потерь у них нет. Только намного позже узнали, что на участке 82-ой мотострелковой дивизии наступало две механизированных и одна танковая дивизия противника. После войны фашистский генерал, командовавший этой группой, напишет: «Щелковский узел оказался крепким орешком, который мы не могли раскусить в течение всей недели боя, а поэтому вынуждены были перегруппировать части и наносить удары на флангах».

Когда в январе 1942 года освободили этот участок вдоль Минского шоссе, у перекрестка насчитывалось более двух тысяч фашистских могил.

Много времени спустя мы, оставшиеся в живых поняли, что не напрасно погибли здесь наши товарищи. И если учесть, что большинство убивших были ранены и лишь меньшая часть погибли, станет ясно, что хотя фашисты сплошь применяли автоматическое оружие, сидели за броней танков и транспортеров, сотни тонн снарядов и мин обрушивали на нас, они не достигли своей цели, не прорвались к Москве по Минскому и Можайскому шоссе.

Героизм наших бойцов, их меткий винтовочный и пулеметный огонь, мастерство наших артиллеристов наносили громадный урон и изматывали силы противника. Если взять за основу цифры, которые давали жители, участвовавшие в захоронении наших бойцов в мае 1942 г., то общие потери 82-ой мотострелковой и 50-ой стрелковой дивизий в районе Дорохово составили около двух тысяч погибших.

У каждого боя есть начало и конец. Концом боя на этом участке для нас стало второе ноября. Всю предыдущую ночь было относительно тихо. Утром второго ноября часов в 9-10 у нас в тылу "заиграла "катюша". Но залп "катюши" обрушился на

нас. К счастью потери были очень незначительные. Была повреждена сорока пятимиллиметровая пушка и два человека ранено. Бойцы шутили: «Если они бьют и по фашистам также, то толку от них мало». Не успели опомниться от залпа "катюши", как на нас обрушился минометный и артиллерийский огонь противника. Земля дрожала, и валялись столетние сосны. Так продолжалось около часа. Связь внутри батальона, а также батальонов со штабом полка была прервана. Прервана была и связь полка со штабом дивизии. Вышедшие на исправление повреждений линий телефонисты — линейные надсмотрщики обратно не вернулись. Видимо погибли. На отдельных линиях связь восстанавливалась, но через несколько минут снова прерывалась. Сразу же после окончания артиллерийского и минометного обстрела фашисты пошли в атаку. Танковые удары они наносили по Минскому и Можайскому шоссе, а автоматчики били по стыкам батальонов. Первый батальон 601-го полка после упорного боя оставил деревню Хомяки и отошел в лес ближе к Минскому шоссе. Командование остатками батальона взял на себя начальник штаба полка майор Журавлев, но и он вскоре был, ранен в руку. Несмотря на ранение, майор Журавлев продолжал командовать батальоном.

Второй батальон также после упорного боя с фашистскими автоматчиками, потеряв большинство командного состава, отошел к штабу полка.

Батальоны, разрозненные в лесу между Минским шоссе и полем у деревни Хомяки, дрались до последнего патрона, а когда патроны кончились, штыковой атакой прорвали фашистские цепи и стали отходить на Восток.

Первый батальон штыковую атаку вел под развернутым знаменем полка. Прорвавшись со знаменем, первый батальон во

главе с майором Журавлевым отошел к деревне Ляхово, куда вскоре отошел и второй батальон во главе с командиром полка майором Ширяевым и комиссаром полка Колбасенковым, где и заняли оборону. Вместе со вторым батальоном прорвались и мелкие подразделения полка. Более трагично сложилась судьба моего родного третьего батальона.

Первую танковую атаку на Минском шоссе и атаку автоматчиков противника со стороны Шелковки батальон отбил успешно. На перекрестке добавилось еще несколько подбитых танков. Прошло немного времени, и на лесной массив между Минским Можайским и Верейским шоссе снова обрушились сотни снарядов и мин. Со стороны деревни Хомяки через лес просочились фашисты и атаковали огневые позиции полковой артиллерии. Артиллеристы взялись за винтовки и гранаты, но их силы были малочисленны. Большинство их погибло. Остальные, выведя гранатами пушки из строя, сумели пробиться к штабу полка, где и влились в остатки второго батальона. Седьмая рота, оставшись без артиллерийского прикрытия, продолжала очередную танковую атаку противника отбивать гранатами. Малочисленная девятая рота и остатки третьей пулеметной роты вынуждены были отойти вглубь леса к штабу батальона и занять круговую оборону. Стал затихать бой и на перекрестке. В штабе батальона изредка слышали взрывы гранат на перекрестке. Это продолжали оказывать сопротивление последние бойцы седьмой роты. Седьмая и восьмая роты дрались и погибли полностью, но не отступили. Это было в полдень 2-го ноября. По Минскому шоссе к нам в тыл загрохотали танки противника. Фашистские автоматчики не осмелились наступать на нас со стороны Шелковки, но со стороны Минского шоссе сделали попытку проникнуть к нам через завалы леса. Встреченные нашим

пулеметным огнем, оставив несколько человек убитыми и одного раненого, они отошли на шоссе.

Раненый фашист сперва молчал, но вскоре стал кричать, видимо звал своих на помощь. Мы притащили его к штабу батальона. Из допроса выяснилось, что сегодня утром в бой была введена вновь подошедшая танковая дивизия. Вскоре со стороны Дорохова к нам пробралось человек двенадцать бойцов во главе с сержантом из 602-го полка, а вслед за ними два лейтенанта и боец — артиллеристы из артполка. Они находились на НП артполка у Дорохово. Таким образом, у КП батальона собралось около восьми – десяти человек. Из командиров были комбат Паклин, командир третьей пулеметной роты лейтенант Богатырев и командир пулеметного взвода младший лейтенант Одинцов, командир девятой роты лейтенант Цветков, лейтенант Соснин и два лейтенанта артиллеристы. Боеготовые были четыре станковых пулемета "Максим" и четыре ручных.

Командиры посовещались и решили послать разведку на ту сторону Минского шоссе к штабу полка. Пошли двое. Они сумели в промежутке движения машин противника пересечь шоссе. Часа через два вернулся один, а второй пулеметчик третьей пулеметной роты Абрамов, весельчак и запевала, погиб при обратном переходе шоссе. Вернувшийся сообщил, что на южной стороне шоссе наших никого нет, не нашли они и штаб полка. Стало быть, приказа нам со стороны штаба полка не будет. Командиры, посовещавшись, решили держать оборону до ночи, а ночью пересечь Минское шоссе и лесом двигаться на соединение с нашими. Мы уверены были, что первый и второй батальоны совместно со штабом полка отошли недалеко на Восток и заняли оборону. Это подтверждали артиллерийские выстрелы и очереди пулеметов со стороны Ляхово и особенно один пулемет как будто

совсем недалеко позади нас, где-то там у ручья или за ручьем между Минским и Можайским шоссе. Этот пулемет мы слышали все время в промежутках, когда затихал грохот фашистских танков, двигавшихся мимо нас по Минскому шоссе.

Мы ждали темноты. Фашисты нас не тревожили. Перед наступлением темноты батальон залег метрах в двадцати от кромки леса. Хорошо просматривалось шоссе, по которому двигались на Восток автомашины с солдатами, конные повозки и беспрерывно перед нами взад и вперед курсировал бронетранспортер. Фашисты нас не забыли и видимо ждали. Появился второй бронетранспортер и они стали курсировать на встречных курсах. Наступила темнота, но только не на шоссе. Бронетранспортеры беспрерывно его освещали. Мы ждали темноты и дождались. На какой-то миг один транспортер прошел на Восток, а второй на Запад, образовался разрыв света. Рывок и весь батальон был на той стороне. Все, но не я. От леса до шоссе было метров пятьдесят. До боев вдоль этого пространства проходили воздушные телеграфные линии. Во время боев все столбы были повалены, а изорванные провода образовали как бы проволочное ограждение между лесом и шоссе. На моем пути попался целый проволочный вал. Добежав до него, я невольно остановился. Что делать?! Если через него, то можно основательно запутаться. В такой момент мысль работает очень быстро, решил проползти под ним. И не прополз. На моей спине была упаковка питания радиостанции, на наружной крышке которой в специально прикрепленном к ней брезентовом чехле, были уложены колышки антенн, концы которых торчали наружу чуть выше упаковки. Когда я полз под проволокой, колышки зацепились за проволоку, и проволока прочно взяла меня в "плен"

Я и туда и сюда, а вырваться не могу. Сообразил, что

необходимо снимать упаковку и распутывать проволоку, или попытаться силой вырвать ее вместе с кольшками. Раздумывать некогда. Встал на колени, нащупал проволоку, зацепившуюся за упаковку, обеими руками рванул ее вверх. Проволока вместе с кольшками и чехлом отлетели назад. И снова, держа в руке винтовку, ползу. Прополз препятствие и встал, не замечая, что бронетранспортер с Востока приближался к месту перехода. Пулеметная очередь с транспортера привела меня в чувство. Упал. Лежу. Еще очередь. Пули идут выше меня. И только он прошел мимо меня, а встречный был еще далеко пригибаясь, я бросился к дороге. Перебежал ее, пространство между ней и лесом и в лес. Где искать своих? Прислушался. Слышу впереди меня приглушенный разговор. Иду туда. Батальон, сосредоточившись, вытягивался в походную цепочку. В лесу стояла тишина. Только далеко на востоке слышалась пулеметная дробь, да изредка, то короткая, то длинная очередь "Максима", там, у речки или за речкой между Минским и Можайским шоссе, того, что мы слышали днем. Он подавал свой голос всю ночь и только перед рассветом окончательно замолчал. Идем в сторону Хомяков. Вышли к полю, посреди которого на возвышенности горят Хомяки. На кромке леса натываемся на трупы фашистов. Наших погибших не встретили. Это подействовало на нас успокаивающе. Видимо наши батальоны отошли организованно. Обогнули лесом с запада и с юга Хомяки, и цепочка бойцов взяла курс на северо-восток. В полдень где-то между Анашкино и Хомяками пересекли дорогу и речку и снова в лес. Вышли на старые вырубki леса.

Когда головная часть цепочки, где я шел вторым (впереди меня шел ординарец л-та Цветкова, л-т Цветков шел за мной) подошла к молодому ельнику на противоположной стороне

вырубок, кто-то сзади крикнул: "Фашисты слева!" Естественно вся цепочка отпрянула вправо в ельник. И тут из ельника в упор по нам стали стрелять из автоматов. Я упал в траву. Повернул голову влево. Ординарец лейтенанта, привалившись к пню, глубоко дышал. Поворачиваю голову вправо. Метрах в пяти лежит лейтенант Цветков. Стараюсь подтянуть винтовку для стрельбы и снова очередь из автомата. Что-то ударило по упаковке. Переждал, снова тяну винтовку и снова очередь. Слышу шепот лейтенанта: «Лежи, не шевелись». Повернув к нему голову, вижу, что он очень медленно левой рукой старается что-то достать из кармана шинели. И снова автоматная очередь по лейтенанту. После каждой очереди в лесу слышен раскатистый хохот фашиста. Я его - слышу до сих пор. Лейтенант резко встает на колени, левой рукой встряхивает гранату и бросает в сторону хохота и снова автоматная очередь. Лейтенант уткнулся в траву. Я лежу и жду гранатного взрыва, но взрыва не последовало. Передвигаю свое тело с тем, чтобы подползти к лейтенанту. Из упаковки посыпались головные телефоны, батареи питания и шланги питания. Все это меня опутало. И снова эта злосчастная упаковка сковала мои движения. Стараюсь отстегнуть лямки упаковки. Наконец мне это удастся. Резко встряхиваю плечами, и упаковка со всем ее содержимым сваливается со спины. И снова автоматная очередь. Сантиметр за сантиметром двигаюсь к лейтенанту. Наконец дополз. Все лицо его залито кровью, и только широко открытые глаза смотрят куда-то мимо. Лейтенант был мертв.

Медленно поворачиваюсь и метр за метром в промежутках между автоматными очередями отползаю по вырубке дальше от ельника. Пни, обросшие травой, видимо скрывают меня от фашистов и они стреляют наугад. Местность стала резко

понижаться. Пригибаясь, держа правой рукой винтовку, короткими перебежками пересек вырубку.

В голове: «А где наши?» Кто-то должен был отползти назад. Автоматные очереди прекратились. Сообразил, что искать своих надо там, где начали пересекать вырубку. Прячась за сосны, двигаюсь туда. И действительно метров через двести – триста мои товарищи рассыпались цепочкой по кромке леса и приготовились к бою. Четыре станковых пулемета смотрели на противоположный лес. Комбат старший лейтенант Маклин да и видимо все наблюдали за моими перебежками. Я подошел к комбату и доложил, что лейтенант Цветков погиб, что фашисты вон в том месте.

И тут пулеметчики не выдержали. Все четыре пулемета открыли непрерывный огонь. Комбат с пистолетом бегал между ними и кричал: «Прекратить огонь!» Но пулеметчики, пока не кончились патроны в ленте, не спускали палец с гашетки.

Наступила тишина и слышна была ругань комбата в адрес пулеметчиков. Он постоянно опасался, что нас обнаружат, и делал все, чтобы движение батальона было скрытным. Батальон снова вытянулся в цепочку и, обходя вырубку, лесом двинулся на восток. Наступила ночь, вторая ночь в тылу у фашистов.

Впереди шла разведка, вслед за ней командный состав, а замыкающими были человек десять раненых, среди них двое тяжело, у одного перебита ключица, а у второго осколок в груди. Сзади них шли с пулеметом пулеметчики третьей пульроты. Двигались очень медленно. Голод давал себя знать. Уже двое суток не ели и не спали. Пищи вообще ни у кого не было. Мучило и отсутствие курева. Выпал снег. Ночь стала светлее. Цепочка остановилась. Командиры совещаются. Я пошел к идущим сзади, там шел мой лучший товарищ Александр Ловцов.

До армии он работал в Сибири машинистом паровоза. Разыскал его. У него была еще махорка. Укрылись шинелями и закурили. Сколько мы курили и делились впечатлениями минувшего дня? Может быть, минут тридцать, а может сорок. Все бойцы в цепочке лежали, некоторые спали. Я снова пошел в головную часть цепочки. Но там, где должна быть головная часть, где были все командиры, было пусто. Головная часть цепочки ушла. Самым головным оказался крепко спящий боец девятой роты. Видимо находящиеся впереди не разбудили его, а за ним лежали все остальные. Бужу бойцов. Узнав, что командование, а с ними человек двенадцать, ушло, всех охватило тревожное беспокойство. Я пробежал по направлению, куда должны были двигаться, некоторое расстояние. Накануне выпавший снег в густом сосновом лесу был почти незаметен и след ушедших не просматривался. Вернулся и стал спрашивать, есть ли среди оставшихся младшие командиры. Таковых не оказалось. Обратился к бойцам, чтобы следовали за мной. На ходу произвожу перестановку в цепочке. За мной на расстоянии видимости идет Ловцов с одним бойцом из девятой роты. Вслед за ними тоже на расстоянии видимости все остальные, впереди них двое с ручными пулеметами (все пулеметы оказались при нас), в центре пулеметчики со станковыми пулеметами, замыкают по-прежнему раненые и поддерживающие их товарищи, в хвосте снова двое с ручными пулеметами. Вскоре выхожу на пересекающую наш путь лесную дорогу. На ней множество следов людей и конных повозок. Следы свежие видимо недавно проходили фашисты. Влево по дороге виднее просвет — лиственный лес или поле. На фоне этого просвета кто-то перебегает дорогу. Даю знать бойцам, чтобы они залегли и приготовились к бою. Иду возле дороги на просвет. Хвойный лес

редееет, дальше начинается березняк. У одной березы стоят трое. Подкрадываюсь к ним метров на пятнадцать и приглушенным голосом спрашиваю: «Кто такие?» От неожиданности они отпрянули друг от друга. Я повторил вопрос громче. В ответ слышу: «Свои».

— Кто свои?

— Свои бойцы. Один ко мне, остальные на месте.

Один идет ко мне. Узнаю в нем лейтенанта-артиллериста.

Он меня тоже узнал.

Подзываем остальных. Спрашиваю их: «Где головная часть цепочки, вы же ушли с ними?» Лейтенанты наперебой отвечают, что головную часть они потеряли. После этого пытались пойти в нескольких направлениях и везде натыкались на фашистов. От лейтенантов сильно несет водкой. Спрашиваю их, где они успели выпить. Один: них говорит третьему (третий был у них ординарцем): «Налей ему». Ординарец начинает отстегивать флягу от ремня. Я его останавливаю. А лейтенантам говорю: «Идемте к бойцам! Спирт отдадите бойцам для промывки ран». Веду их к бойцам. Трогаю бойцов, а лейтенантам говорю, чтобы становились в голове цепочки и без моего разрешения никуда ни шага. Идем дальше, подошли к небольшой поляне, на кромке которой густо росли могучие ели. Крона елей опускается почти до земли. Образовался как бы естественный шатер, внутри которого опадавшая годами хвоя образовала мягкую подстилку и довольно сухую. Всех бойцов завел под ели. Необходимо было дать бойцам отдых. Была глубокая ночь. Стояла тишина, только далеко на северо-востоке раздавалась пулеметная дробь. Там было Минское шоссе. Решил обследовать впереди лежащую местность. Стал спрашивать, есть ли у кого-нибудь компас. Артиллеристы ответили, что компаса у них нет. Из-под одной ели

услышал, что компас есть. Один боец встает и подает мне компас. И что же! Этим бойцом оказался старшина девятой роты.

— Что же ты, старшина, не признался, когда я искал командиров, или ты не считаешь себя командиром? — старшина ответил молчанием.

— Кто еще есть среди вас командиры? — из-под ели отвечают, что есть еще санинструктор роты.

— Ну что ж это хорошо, что среди нас есть врач. Старшина, бери своего санинструктора, осмотрите всех раненых. Врач, у тебя есть бинты и йод? — санинструктор ответил, что ни бинтов, ни йода нет.

— Старшина, для обработки ран возьмите у артиллеристов спирт, — старшина и санинструктор расторопно приступили к выполнению моего распоряжения. Это в какой-то степени меня ободрило. Видимо все бойцы признали во мне своего командира. Наказав, чтобы без меня не шагу из-под елей направился на восток. Пройдя значительное расстояние, повернул на север. Таким образом, сделав полукруг с радиусом более километра, вернулся обратно.

Все бойцы были на месте. Раненые были осмотрены и, где требовалась перевязка, перевязали, предварительно обработав раны спиртом. Бойцы ждали меня. Поднял всех и в том же порядке повел цепочку на северо-восток. Через несколько километров хвойный лес кончился и начался березовый. Пройдя по березняку некоторое расстояние, вышли снова на пересекающую старую узкую дорогу. На дороге ясно отпечатались следы людей. Прошли, видимо, недавно. Насчитал семь человек. Предположив, что это прошли, кто-то из нашей головной группы, повел бойцов по дороге на север. Следы вели в этом же направлении. Вскоре березняк кончился и начался снова

густой сосновый бор. Следы исчезли. Идем дальше. Справа стало просвечивать. Остановил бойцов и иду на просвет. Вышел на кромку леса, впереди обширное поле, а посреди него деревня. Кругом тишина. Кто в деревне? Наши или фашисты? С которой стороны обогнуть поле? Пока раздумывал над этими вопросам, из дальнего южного угла поля застрочил пулемет. Трассирующие пули летели в деревню. В деревне также застрочил пулемет по звуку "Максим". Трассирующие пули наши в то время не применяли, а противник использовал их широко.

Пришел к выводу, что необходимо провести разведку. Иду к бойцам, завел всех в густой молодой ельник, выставив по всем сторонам охрану, назначив пулеметчика из третьей пулроты старшим охраны, а сам направился дальше по дороге. Бойцы остались отдыхать. Пройдя с километр, вышел в низину, заросшую кустарником, посреди которой по всем признакам протекает ручей. За ручьем на кромке леса просматривались постройки, но признаков человеческого присутствия не обнаружил. Понаблюдав за постройками некоторое время, основательно окоченел. Решил вернуться к бойцам, а на рассвете продолжать разведку.

Когда вернулся к бойцам, старший караула доложил, что к нам присоединилось семь человек во главе с полковником Берестовым, которые выходят из-под Ельни. Проверил. Точно наши?

Лейтенанты проверяли у них документы. Ладно, утром разберемся. Наказав разбудить меня на рассвете, зарыл ноги в хвою и уснул мертвецким сном. Как будто только что уснул — будят. Светает. Иду снова к дому (постройки состояли из обширного дома с дворовыми пристройками). Залег у речки. Вскоре из дома вышел мужчина с мальчиком, и они направились

в мою сторону. Не доходя до меня метров пятнадцать, стали примеряться пилить валежник.

Окликнул их: «Старина, подойди ко мне. Он видимо испугался, стоит не шелохнется и не может вымолвить слова. Мальчик бросился бежать к дому, но на мой окрик: «Стоять, не бегать», — остановился.

— Старина, кто в доме есть?

— Наши.

— Кто наши?

— Красноармейцы.

— Не врешь?

— Ей Богу.

Идем в дом, и если обманул, вот этой штукой шутить не стану и показал ему гранату.

В доме на полу спали человек десять красноармейцев. На столе мазюкала маленькая коптилка, но дававшая свет, чтобы разглядеть в доме все.

За столом сидел и дремал один из бойцов. На мой вопрос: «Из какой части», — заморгал глазами, силясь прийти в себя. Видимо мой вид его в какой-то степени напугал. Я повторил вопрос.

— Из тридцать второй, — последовал ответ.

Наш разговор разбудил остальных бойцов.

— Что же вы спите без охраны? Фашисты вас передушат, как кур.

Убедившись, что это наши, я уже не шел, а бежал к своим. Поднял всех на ноги. Мое сообщение, что вышли к своим подняло дух товарищей. И уже без всякой предосторожности гурьбой, ведя в середине раненых, вышли к дому. Бойцы из тридцать второй и хозяин дома стояли у ворот и наблюдали, как

обросшие и грязные в смерзшихся шинелях, незнакомые для них бойцы со слезами обнимались и громко смеялись.

Кто-то громко крикнул: «Качать!» Меня подхватили десятки рук и подбросили в воздух. «Братва, последние силы из меня вытрясите!» — взмолился я. Основательно набросав меня, поставили на ноги. Протиснулся тяжелораненый и со слезами обнял меня. Это был самый счастливый день в моей жизни.

Подошел полковник и представился: «Полковник Берестов». Поблагодарив меня, он со своими отправился в деревню. Туда же я направил раненых. Это была деревня Якшино. Спустя двадцать пять лет полковник в своих воспоминаниях напишет, что из-под Ельни он вышел в районе г. Тулы, выведя с собой из окружения триста шестьдесят человек бойцов и командиров ополченческой дивизии г. Москвы, командиром которой он бы в боях под Ельней. Расспросив у бойцов из тридцать второй, как ближе пройти на Минское шоссе мы тронулись в путь. Вечером пришли в Наро-Осаново, где стояли тылы 602-го полка. Повара кухонь уступили нам жарко натопленный дом и крепко нас накормили. Раздевшись и разувшись, вповалку на полу мы уснули мертвецким сном. Спали целые сутки.

7-го ноября утром мы были в своем родном 601-ом полку, в деревне Ляхово. К вечеру 7-го ноября мелкими группами прибыли остальные из головной группы, за исключением комбата Паклина. Он исчез бесследно.

Из всех боев дивизии 2 ноября самым трагичным был бой 602-го полка и 82-го артполка. В бою за перекресток Можайского шоссе с Верейским и за станцию Дорохово ко 2-му ноября в 602-м полку осталось не более половины бойцов. Приняв на себя весь танковый удар противника на Можайском шоссе, бойцы дрались

до последнего патрона, до последнего бойца.

После нескольких часов боя фашистские танки прорвались к деревне. Капань, где их встретила группа бойцов во главе с командиром полка. Они подбили гранатами около десятка машин, но и сами погибли.

Комиссар полка возглавил вторую группу из штабных работников, и когда очередные танки противника приблизились к глубокой выемке у Капани, где находился КП полка и второго дивизиона 82-го артполка, они с гранатами бросились на них. И снова несколько танков пылало на Можайском шоссе. Огневые позиции ортполка располагались по кромке леса восточнее деревни Капань. Когда фашистские танки прорвались по шоссе, артиллеристы выкатывали гаубицы на прямую наводку и били пока были снаряды.

После гибели командира и комиссара полка командование оставшимися в живых бойцами 602-го и артиллеристами 82-го полков на КП взял командир 2-го дивизиона капитан Поярков. Когда танки подошли к выемке вплотную, он по радиации вызвал огонь дивизиона на себя. И снова фашистские танки запылали на бруствере глубокой земляной выемки. Сейчас на кромке этой выемки две братские могилы. В одной около ста бойцов артиллеристов, во второй более шестисот бойцов и командиров 602-го полка.

Остатки 602-го полка и артиллеристов с оставшимися гаубицами, израсходовав все боеприпасы, отошли к деревне Крымской, где обе шоссезные дороги к этому времени перекрыл 250-й полк, прибывший из Монголии последними эшелонами и находившийся в резерве дивизии.

Центральные газеты, сообщая об этом бое, писали, что в этот день на участке 82-ой мотострелковой дивизии было

уничтожено 78 танков противника. Дивизия понесла большие потери в живой силе и технике, но надо признать, что боевую задачу выполнила. За все дни боев у Дорохово было уничтожено более ста танков и более трех тысяч солдат противника, не считая раненых.

Противник был обескровлен и не смог продвинуться дальше Труфановки на Можайском шоссе, и не дошел до деревни Ляхово на Минском. Вот почему фашистский генерал в своих мемуарах писал, что у Щелковки орешек оказался очень крепким и раскусить его они не смогли.

На этом можно считать, что для оставшихся в живых бойцов и командиров 82-ой мотострелковой дивизии боевое крещение закончилось.

Часть бойцов 602-го полка из-под Труфановки была выведена из боя и передана в авиадесантную часть. Они улетели на восьми самолетах в район г. Ельни на помощь нашим частям, дравшимся с фашистами в полном окружении.

ВСТРЕЧА С МОСКОВСКИМ КОМСОМОЛЬСКИМ ОТРЯДОМ

До 10 ноября на рубеже Ляхово – Крымская фашисты не проявляли против дивизии большой активности. Полки дивизии имели несколько дней передышки, которые были использованы для проведения в порядок своих подразделений.

10 ноября противник вновь начал атаки. Бои были упорные. В деревне Ляхово бой шел за каждый дом, доходя иногда до рукопашной схватки. 12 ноября полки дивизии по приказу свыше отошли. 601-й полк лесной дорогой отошел в деревню Якшино, а 210-й и 250-й полки — в деревню Наро-Асаново. Подразделения 32ой дивизии из Якшино переместились восточнее. Деревня

Наро-Осаново стала последним рубежом отхода дивизии с этого рубежа, в первых числах января она начала наступление.

601-й полк у деревни Якшино занял довольно протяженный участок обороны. Первый батальон со стороны Ляхова — Брыкино, а второй — Якшино — Болдино. В течение недели на этом участке активных боев не было.

В эти дни стало известно, что Московские железнодорожники взяли шефство над 82-ой МСД, а вскоре мы узнали, что нашими шефами стали трудящиеся города Кунцево. Последние, это шефство осуществляли вплоть до 1944 года. Дом культуры железнодорожников Москвы впоследствии направлял к нам на передовую агитбригады. В основном они возглавлялись художественным руководителем Дворца культуры композитором Покрассом. (И забегая вперед) впервые Покрасс приехал в 601-й полк в марте месяце 1942 г., когда дивизия после наступательного периода держала оборону на рубеже 150-го километра Минского шоссе. Штаб 601-го полка располагался в деревне Некрасове. Рота связи находилась на опушке леса у дороги от Некрасово на Минское шоссе. Однажды утром в первых числах марта в распоряжение роты прибыл потрепанный грузовик. Стало известно, что приехали с концертом наши шефы из Дома культуры московских железнодорожников. Из стрелковых батальонов пришли представители всех подразделений. Из веток хвой быстро соорудили сцену. Приезжих было трое. Один из них представился: «Художественный руководитель дворца культуры Московского железнодорожного узла композитор Покрасс». Конечно, все знали композитора по песням, а лично встретились впервые. Второй была представлена женщина (фамилию не помню), она играла на аккордеоне. Третий был шофер, он же и киномеханик.

Покрасс объявлял: «Песня (такая-то), слова (такого-то автора), музыка моя». Он сам пел под аккомпанемент аккордеона.

Каждая песня сопровождалась аплодисментами, некоторые песни ему приходилось исполнять и дважды и трижды.

И здесь он исполнил только что родившуюся песню, посвященную нашей дивизии в честь присвоения ей гвардейского звания. После художественной части был показан кинофильм «Парень из нашего города». Правда видимость была плохая, так как дело было днем, некоторое затенение экрана дало возможность посмотреть кинокартину. Все выше изложенное было потом после наступления.

А в ноябре бои шли на рубеже Якшино – Еремино – Наро - Осаново.

В одну из ночей 15 –17 ноября в Якшино прибыл отряд московских студентов. Кто-то из бойцов выведал, что это диверсионный отряд. В основном из студентов Московского железнодорожного института.

Расположились они в четырех крайних к югу домах с восточной стороны улицы. Напротив этих домов в большом доме в подполье был оборудован КП полка, а над ним в доме располагались связисты полка. Комсомольский отряд состоял из молодых лет 18-ти-20-ти парней и девчат. Большинство из них были одеты в гражданскую одежду, и лишь некоторые девушки — в армейские ватные брюки и фуфайки. Некоторые из парней перепоясали себя пулеметными лентами, что придавало им вид красногвардейцев гражданской войны.

На второй вечер я возвращался со своим товарищем Борисом Черновым, родом из Кемерово, с точки из деревни Болдино. Свободные связисты были дома, кто спал, кто сидел на нарах, устроенных в передней части дома. Телефонный кабель,

натянутый от стены к стене и подожженный с одного конца, выделяя копоть, немного освещал помещение дома. У порога дома стояли два бойца и до нашего прихода видимо что-то обсуждали со связистами. От слабой освещенности я не сразу различил стоящих у порога. Пристально взглядевшись, понял, что это были девушки. В армейских фуфайках, брюках и шапках их можно было принять за мужчин. «Хлопцы, к вам пришли гости, да еще девушки, а вы не соизволите их усадить», — обратился я к товарищам.

Та, что повыше ростом, ответила за бойцов, что они только что вошли. Кто-то соскочил с нар, подвинул чурбаки ближе к огню, другой поставил рядом единственную у нас табуретку. Девушки присели.

— Давайте, девушки знакомиться. Вас как зовут? — обратился я к той, что пониже

— Вера.

— А меня Зоя, — ответила другая.

— Вера, вы откуда родом?

— Я из Кемерово.

— О! Сибирячка! Борис твоя землячка.

Борис подошел к Вере, пристально в нее взгляделся: «Верка! Как ты здесь оказалась?!»

Она его тоже узнала. Они были одноклассники, учились в одной школе только в параллельных классах, и знали друг друга. Борис пересадил Веру, и они стали вспоминать своих товарищей, учителей и свои школьные годы.

— Зоя, вы тоже сибирячка¹?

— Нет, я москвичка.

— О! Москвичка! — воскликнул я. Расскажите о Москве, как там жизнь, как настроение москвичей. И она стала

рассказывать, что все, кто еще не эвакуировался, работают на заводах, строят оборону города. Так, что если придется отступать, то там уже готовы блиндажи и окопы.

— Отступать до Москвы?! Нет! Мы об этом не думаем и делаем все чтобы этого не случилось, — ответили за меня мои: товарищи. Завязалась общая беседа о состоянии нашей обороны, жестокости и коварстве врага.

И когда я упрекнул Зою, что, начитавшись книг, парни и девушки, не служившие в армии и не участвовавшие в боях, с наивностью и легкомыслием судят о противнике. Она на это не обиделась, а ответила: «Хорошо! Вы упрекаете нас в молодости и наивности, зато командир у нас с седой головой, старый партизан гражданской войны». Это были ее подлинные слова, и они мне запомнились хорошо.

На вопрос, что их привело к нам, она выложила свою просьбу. Им на дорогу выдали сухари, и они пришли с просьбой поменять их на хлеб. Какая бы обстановка ни была, нам в основном выдавали хлеб, а не сухари.

Поменять? Хлопцы, может быть, возьмем девушек к себе на довольствие? Бойцы один за другим дали свое согласие. Так что, Зоя, считайте, пока вы находитесь в расположении нашей части, вы состоите у нас на довольствии. Она ответила, что они пришли не от себя лично, а от своих пятерок. И тут Зоя невольно выдала секрет построения их отряда. Отряд был разбит на пятерки. В каждой пятерке девушка исполняла роль старшины и санинструктора. Условились, что много не дадим, а по булке хлеба для двух пятерок выделили.

Сухари, Зоя, вам пригодятся там, в тылу противника. Условились, что и на следующий вечер в это же время они придут за своим хлебным пайком.

Прибежал парень из их пятерок, крест накрест перепоясанный пулеметной лентой, радостно возбужденный, он набросился на Зою, что долго ходит. Кто-то из бойцов, шутя, спросил его: «Ты, парень, случайно Зимний не брал?»

Он не обиделся, а ответил: «Зимний не брал, а час тому назад сбил фашистскую кукушку». Это была его первая победа над врагом, и от этой победы он весь сиял.

Забрав свой хлеб, Зоя и Вера с парнем ушли.

Через день отряд в сопровождении разведчиков полка перешел линию фронта и ушел в тыл противника. Один из разведчиков Черепанов Николай и сейчас живет в г. Свердловске. Много времени спустя мы узнали, что Вера погибла через несколько дней, а Зоя неделей позже. И как символ этой краткой дружбы стоит памятник Зое на Минском шоссе, где дрались с фашистами 2 ноября 1941 г. и полностью погибла, но не отступила седьмая рота нашего 601-го полка, рота состоящая в основном из парней Урала.

Дня через два после ухода московских студентов в тыл врага, фашисты предприняли наступление против 210-го полка. Наши бойцы не только отбили эту атаку, но и перешли в контратаку и гнали фашистов по лесу несколько километров. После этого фашисты, введя в бой танки, начала наступление от Брыкино на правый фланг 601-го полка. Наступление они вели вдоль дороги Брыкино – Якино. Подбив три танка, бойцы 601-го полка перешли в контратаку и после кровопролитного боя в течение целого, дня, уничтожив десятки фашистских автоматчиков, вышли на подступы к лесной деревне Брыкино. Фашисты чтобы спасти свое положение у Брыкино, начали наступление со стороны совхоза Головково на левый фланг 601-го, на стык с соседом слева. Два дня второй батальон отбивал

атаки. К вечеру второго дня фашисты после интенсивной минометной подготовки прорвались в деревню Болдино. В Болдино находилась санчасть полка. Все раненые, находившиеся в санчасти, попали в плен, в том числе раненый и контуженый командир батальона капитан Некрасов 601-ый полк получил приказ отойти к деревне Еремино, а на следующий день был выведен в резерв дивизии и направлен на танкодром у Кубинки. В этот же день на танкодроме мы получили зимнее обмундирование: валенки, теплые шаровары и фуфайки. Все мы были удивлены, что в такой тяжелый для страны момент нас одели во все новое, в теплое обмундирование, на которое мы и не рассчитывали. На второй день рано утром полк был погружен на автомашины и через Голицыно переброшен на правый фланг 5-ой армии в район деревни Ершово. По прибытии туда нам сообщили, что противник находится в трех километрах на железнодорожной станции.

Автомашины, что привезли нас, были использованы для эвакуации населения деревень и к вечеру люди были вывезены в тыл все до одного. Третий батальон под командованием бывшего командира третьей пулеметной роты старшего лейтенанта Богатырева занял оборону в деревне Ершово. Стали ждать противника, Старшины рот, воспользовавшись передышкой, организовали бани, используя для этого опустившие дома. Первый раз за все время, как выехали из Монголии, помылись и сменили белье. На второй день человек двенадцать бойцов ушли в разведку.

Ждем еще день — ни противника, ни разведки. На третий день рано утром из леса со стороны железной дороги на поле вышли три танка, а за ними целая туча автоматчиков. Завязался бой, который продолжался целый день. Было подбито два танка и

уничтожено около сотни фашистов. Поле от леса до огородов деревни было усеяно их трупами, но и нас осталось человек пятьдесят – шестьдесят.

К вечеру остатки батальона отошли за речку на высокий обрывистый берег, поросший могучими соснами и возвышавшийся над деревней метров на 20 –25. В тот момент, когда фашистские танки, а за ними автоматчики вышли из леса на поле, я был на правой окраине, деревни и устанавливал вместо противопехотных мин, которых у нас не было, обычные гранаты Ф-1. Этот участок деревни из-за малочисленности батальона был не прикрыт. Когда прибежал к штабу батальона, где были сосредоточены все связисты, являвшиеся единственным резервом командира батальона, бой шел со всей яростью.

Стрелковая рота, занимавшая оборону на поле метрах в двухстах от огородов, отбивалась от танков и автоматчиков гранатами и бутылками с горючей смесью, единственным противотанковым средством, имевшимся в нашем распоряжении.

Из-за речки с высокого обрывистого берега по противнику вели огонь, установленные на автомашинах, один счетверенный зенитный и один крупнокалиберный пулемет. Но вот загорелся, один фашистский танк, а вслед за ним второй. Третий танк первоначально попятился, а затем развернулся и двинулся вдоль траншеи нашей обороны, поливал наших бойцов из пулемета.

Все связисты, заняли позицию, кто у плетня огорода, кто у построек соседних домов и тоже ведут огонь по автоматчикам. Я залег за выступ землянки, построенной еще до нашего прибытия жителями деревни, и тоже стал стрелять по приближающимся автоматчикам. Видимо я настолько вошел в азарт, что даже не заметил и не услышал, что все оставшиеся в живых бойцы, в том числе и связисты совместно с комбатом отошли за речку и

поднялись к зенитной установке.

С каждой минутой фашисты приближались к огородам. В разрыве стрельбе зенитного и крупнокалиберного пулеметов я услышал, что меня кто-то громко зовет. Оглянувшись в сторону возвышенности, увидел, что у самой кромки обрыва у сосны стоит младший лейтенант М.И. Викторов, один из моих лучших товарищей еще по Монголии, кричит и машет мне шапкой. Еле разобрал: «Скорее беги к нам». Прикрываясь постройками, бегу к реке. Начинаю взбираться на кручу, цепляясь за камни, кустики и корни сосен. Поднимаюсь все выше и выше. Пули щелкают о камни где-то около меня. Вот и последние два метра — самые крутые. Викторов сверху спускает связанные ремни и, с подоспевшими другими связистами, вытаскивают меня наверх. С высоты видна вся деревня. Фашисты уже в деревне. Видно как они растекаются вдоль нее. Бьем по ним. Зенитный и крупнокалиберный пулеметы, не смолкая, прочесывают деревню. Отошли к нам и бойцы, занимавшие центр деревни. Противник начинает обстреливать нас малокалиберными минами. Машина с пулеметом отошла с обрыва метров на пятнадцать. Начинает темнеть. Как быстро пролетел день! Комбат принимает решение на отход остатков батальона. Противник слева по дороге от центра деревни уже поднялся на возвышенность и начал обстреливать нас. Машина с крупнокалиберным пулеметом отошла метров на сто и снова ведет бой. Под ее прикрытием отходим и мы. Имея в центре на дороге крупнокалиберный пулемет, растянувшись в одну линию по обе стороны дороги, начинаем вести огонь. Машина снова уходит метров на сто, под ее прикрытием отходим и мы. В такой последовательности отошли метров на пятьсот.

Противник прекратил огонь и больше не показывается на

дороге. Взошедшая на полный диск луна ярко освещает местность. Комбат принимает решение отходить к следующей деревне, тем более, кончаются патроны, и нет гранат. Отходим; к деревне Сеньково — таков приказ, которыми нам доставил связной из штаба полка.

Штаб полка расположился в деревне Аксинино. Автомашина с зенитным и крупнокалиберным пулеметами уходит в штаб полка. Сворачиваем к деревне Сеньково, но из крайних домов по нам бьют пулеметы. Справа в обход нам перебегают автоматчики. Отстреливаясь, по целому снегу отходим влево, дальше начинается овраг, который тянется в сторону поймы реки Москвы. Начинает светать. Идем оврагом к реке Москва. По выходе из оврага в пойму, справа из деревни Грязь по нам бьет крупнокалиберный пулемет. Стало быть, и Грязь уже занята фашистами. Видимо пока мы вели бой в Ершово, противник слева продвинулся к реке Москва и находится у города Звенигорода. Значит, мы снова оказались в "мешке". Выход из оврага нам отрезан. Заняли круговую оборону в овраге.

Попытки высунуться из оврага кончались потерей бойцов. Приспособились, ведем наблюдение за деревней Грязь. От нее к нам по снегу очень медленно ползут несколько человек. Приблизился первый и скатился к нам в овраг. Оказывается, в деревне располагался отряд пограничников, они то и ползут к нам. Стали отвлекать огонь противника на себя. Человек десять пограничников сумели приползти к нам в овраг.

Противник стал обстреливать нас из минометов, а с верховьев оврага пустил человек тридцать автоматчиков. Минометный огонь нам большого вреда не принес, а автоматчиков мы выгнали из оврага.

Я замаскировался между кочками травы на бруствере оврага и веду наблюдение за деревней Грязь. Вскоре по дороге из Синьково показались автомашины с прицепленными к ним пушками. Впереди машин идут двое видимо офицеры. До них метров четыреста. Беру офицеров на мушку, делаю поправку на ветер, стреляю. Один офицер упал, второй стал над ним наклоняться. Стреляю еще. Промазал. Второй офицер бежит от меня дальше и исчезает в лощине за дорогой. Первый офицер лежит. Машины сначала остановились, а потом повернули тоже в лощину. Стреляю по машинам, но и они скрылись. Наблюдаю за упавшим офицером. Лежит. Видимо убит. Вскоре с верховьев оврага на нас снова пошли в атаку фашисты, но и эта атака отбита.

И снова на нас посыпались мины — несколько человек убито и ранено. А день все не кончается. Да и темноты не будет. Стояли дни, когда немедленно после заката Солнца, Луна вставала во весь свой диск, и снова было светло как днем. Я не помню, в жизни, чтобы Луна с ранней вечерней зари и до глубокой ночи так ярко освещала землю. Это, наверное, была сама светлая ночь, светлее, чем белые ночи Ленинграда. Наконец Солнце стало закатываться. Это был самый длительный день в моей жизни.

Нужно успеть, пока Луна не осветила на полную яркость, выскользнуть из оврага в долину реки Москвы. Перед выходом из оврага в долину стоял большой стог сена. Кто-то из бойцов сумел к нему подползти и поджечь его. Дым стал расстилаться над рекой.

С верховьев оврага фашисты в белых халатах снова пошли в атаку. Бегу навстречу к ним, устраиваюсь в глубокой промоине и стреляю. Рядом со мной пристроился Виктор и тоже открыл

огонь. Викторов говорит, что надо продержаться и дать выскользнуть из оврага остальным. Фашистов много больше сотни, а нас двое. Обойма за обоймой исчезают в магазине винтовки, а фашисты, ведя автоматный огонь, все приближаются. Кончились патроны. Попросил патроны у Викторова, он молчит. Смотрю Викторова нет. Начинаю по промоине отползать. Перебежками вдоль извилистой промоины бегу к выходу из оврага. Впереди горит стог сена. наших нет. Видимо сумели уйти. Со стороны Грязи по мне бьет пулемет. Ползу по борозде в снегу, видимо проделанной нашими при отходе. Горящий стог справа, впереди небольшие холмики снега — это небольшие копны сена, занесенные снегом. Прячусь за них от пулеметного огня и огня автоматчиков. Перебежками от холмика до холмика удаляюсь от оврага. От горящего стога, параллельно мне кто-то бежит. Кричу ему: «Кто?» «Я!» — сходимся. Викторов. Он набросился на меня: «Ты что не слышал, что я тебе говорил отходить?» «Нет, не слышал», — пули противника нас уже не доставали, и мы более спокойно пошли по льду Москвы-реки в сторону деревни Аксиныно, где встретились с остатками батальона и заняли оборону.

Дня через два к нам в Аксиныно прибыла из Новосибирска свежая стрелковая бригада и сразу повела наступление по речной лощине на деревню Грязь. Первым же минометным огнем были убиты командир, начальник штаба и комиссар бригады. Стрелковые батальоны, не достигнув рубежа атаки, были прижаты к земле минометным огнем противника. Безрассудность подобной атаки обуславливалась неимением опыта боев у командования бригады, тем более, что справа, практически в тылу наступающих, на высоком берегу поймы в деревне находились хорошо укрепленные позиции фашистов, с которых

они вели минометный огонь по стрелковым батальонам бригады.

601-й полк был переброшен ближе к Звенигороду и приготовился к наступлению на Грязь. Деревня Грязь была расположена на противоположном берегу реки Москвы. Первое наступление через реку было неудачным. От сильного минометного огня со стороны фашистов полк понес потери и был вынужден отойти. Лед на реке был весь избит. Образовались для течения реки заторы, и вода пошла выше льда. Вторично подготовились к атаке. Но тут, откуда ни возьмись, наш разведчик верхом на лошади бросился в воду с криком: «Ура! За мной!» — он увлек всех бойцов, перемахнул под пулеметным огнем реку и ворвался в деревню.

Это был Чаадаев, до призыва в армию в 1939 г. он работал преподавателем истории в Чердынском педучилище (Пермская область), а до работы в педучилище закончил Пермский пединститут.

Вслед за Чаадаевым по колена в воде бойцы полка перемахнули реку и стали дом за домом очищать деревню. Фашисты по глубокому снегу бежали в деревню Сеньково. Несколько человек наших бойцов сходили в овраг и, когда вернулись, сообщили, что там лежат семнадцать убитых. В сарае одного дома обнаружили труп женщины, над которой фашисты надругались и зверски убили.

Снимок этой жертвы был опубликован во всех центральных газетах. Ночью заняли Сеньково, а на следующий день были снова в Ершово. Деревни не существовало, фашисты убегая, сожгли ее. В сгоревшем доме, где в дни обороны находился КП нашего батальона, обнаружили одиннадцать обгоревших трупов наших бойцов. На многих трупах были бинты. Множество пустых гильз говорило о том, что бойцы

дрались до последнего человека, до последнего патрона. Это были разведчики нашего батальона, посланные в разведку на второй день нашей обороны в Ершово. Так началось наступление под Москвой на участке нашего полка 6 декабря 1941 г. В Ершово за нами пришли автомашины, и мы снова через Голицыно прибыли в расположение родной дивизии на Минское шоссе в деревню Нара-Осаново. На второй день предприняли попытку прощупать обороту противника на Можайском шоссе. Это наступление, скорее всего, походило на разведку боем. Фашисты и здесь применяли против нас интенсивный минометный огонь на подступах к рубежу атаки.

Понеся незначительные потери в основном ранеными, мы отошли на исходные рубежи в деревню Нара-Осаново. Ночью еще сделали попытку вклиниться в оборону противника между Минским и Можайским шоссе.

Их оборона проходила по кромке лесного массива.

Наши бойцы под покровом темноты достигли передней траншеи и ДЗОТ-ов. Гранатами и штыком выбили фашистов и погнали их в глубь леса.

Малочисленность наших подразделений не позволила развить успех, да вдобавок погиб командир батальона старший лейтенант Богатырев, который руководил этой операцией. Противник бросил против нас подкрепление автоматчиков. Наши подразделения снова отошли в Нара-Осаново. После этого нас передвинули влево к деревне Осаково и из деревни Ивановки начали наступление на деревню Еремино, которая и была освобождена накануне Нового года.

В ночь на Новый год наша разведка попыталась проникнуть через оборону противника по заросшему кустарником оврагу, но и здесь успеха не было.

Потеряв несколько человек убитыми, в том числе командира разведки, они сумели захватить только, замаскированную на бруствере оврага, пулеметную точку.

В этом бою был ранен в ногу и мой земляк разведчик Николай Черепанов тот, что сопровождал через линию фронта в ноябре месяце в Якшино отряд московских комсомольцев.

Попытка проникнуть в тыл противника лыжников военнослужащих войск МВД успеха также не имела. Потеряв весь командный состав и большинство бойцов, остатки отряда вернулись в Осаково.

Нас передвинули еще левее по реке Нара, где после жиденькой получасовой артподготовки мы форсировали реку, заняли деревню на противоположном берегу и стали двигаться в сторону Болдино – Якшино. В деревне Болдино, наполовину сгоревшей, обнаружили страшную картину. Наши товарищи еще в дни обороны в этих деревнях, будучи ранеными, находились в санчасти, располагавшейся в Болдино. Фашисты захватили их в плен. Когда освободили деревню, то в крайнем сарае обнаружили их всех, раздетых донага и расстрелянных. Двигаемся в Якшино. Якшино нет, все дома фашисты, отступая, сожгли, уцелел только дом на отшибе, куда я вывел остатки батальона в начале ноября. Двигаемся лесной дорогой на Брыкино. Фашистов нет, только новогодние елки остались в их блиндажах.

Впереди в маскировочных халатах двигается рота, человек двадцать, во главе с младшим политруком Тамайкиным. Он еще неделю назад был среди нас связистов, и как коммунист, накануне наступления был назначен политруком роты. Орлы Тамайкина неожиданно для фашистов появились на высоком берегу речки, на противоположной низкой стороне которой расположена деревня Аношкино. Обрушив на фашистов

автоматный огонь, Тамайкинцы выбили фашистов из деревни, не дав им уничтожить ее. Фашисты, потеряв около десятка убитыми своих солдат, бежали на юг в лес, и уже из леса обстреляли деревню из миномета.

Одна мина подожгла дом. Это единственный сгоревший дом в Анашкино. По глубокому снегу цепочкой двигаемся на деревню Хомяки. Деревни нет. Одни печные трубы, ни одной живой души, как и в предыдущих деревнях. Всех жителей фашисты угнали на запад, и только в центре деревни стоит фашистская танкетка, за рычагами управления которой сидит мертвый старшина Михайлов.

Идем лесом к перекрестку Минского шоссе с Верейским. В 12 часов ночи с 13 на 14 января достигли перекрестка. Справа горят Щелковка и Дорохово. Минское шоссе покрыто глубоким снегом, видимо фашисты им не пользовались. Под снегом густо наставлены мины. Идем осторожно след в след. Сворачиваем вправо и идем полем на Моденово. Фашисты перед деревней устроили крупную засаду. Они ждали нас по Можайскому шоссе со стороны Дорохово, а мы ударили по ним сбоку.

Удар был стремительный и фашисты, оставляя убитых, бегут по шоссе к Можайску. Сходу занимаем следующую деревню. Впереди рота Тамайкина. На подступах к деревне Кожухово была уже не засада, а подготовленный рубеж обороны. Они нас встретили не только автоматным и пулеметным огнем, но и минометным. Первая наша атака отбита, наши подразделения прижаты в снег минометным огнем.

Вдоль шоссе из домов бьют по нам пулеметы.

Первым не выдержал сержант Полустовский — начальник направления проводной связи от КП полка к батальону. Он встал во весь рост и с криком: «Вперед, за Родину!» — устремился на

врага, стреляя на ходу из карабина. Поднялись еще человек десять, а вслед за ними и все остальные бойцы. В это время справа из леса в деревню врывается Тамайкин со своими орлами. Враг бежит.

И когда, преодолевая глубокий снег, бойцы добежали до крайних домов, фашистская пуля сразила Полустовского. Впоследствии "доморощенный" поэт радист роты связи Лихота написал большое стихотворение "На смерть Полустовского".

На высоте между Кожухово ¹ и Можайском снова оборонительная полоса противника и снова бой. Тамайкин своих бойцов уводит вправо в лес и выходит к Можайску. Передохнув в большом доме в стороне от города на кромке леса, ночью врывается в Можайск. В крайних в Кожухово домах фашисты спят, услышав стрельбу, выскакивают в одном белье на улицу и попадают под автоматный огонь наших бойцов.

Вскоре фашисты опомнились. Они поняли, что наших бойцов немного. Против Тамайкина было брошено около сотни автоматчиков. Тамайкин укрепился в трех домах и успешно отразил все атаки фашистов. В одной из перебежек от дома к дому Тамайкин был тяжело ранен. Глубокий снег, в который он упал, скрывал его от взора фашистов и в какой-то степени смягчал холод, который в те дни доходил до 25°.

Попытки товарищей вынести его в безопасное место привели к потере одного убитым и одного раненым. Тамайкин не подавал признаков жизни, и посчитали, что он мертв. Через день полк перенес весь удар по пути, который проложил Тамайкин.

Была сформирована отдельная ударная группа, которая прорвалась к осажденным бойцам Тамайкина и ударила по тылу противника, удерживающего Можайское шоссе.

Когда положили Тамайкина на носилки, он был весь

обморожен, но сердце еще работало. Быстро доставили его в Кожухово, где располагалась санчасть полка. Все усилия врачей, оттиравших его спиртом, были напрасны. Сердце перестало работать.

Дом за домом очищали от противника улицу, по которой проходит шоссе. Все ближе центр города.

Двигаясь от дома к дому, я смотрю, есть ли где-нибудь линия связи. За последнее время мы сильно обеднели средствами связи. Телефонный кабель был на исходе. Телефонных аппаратов было всего лишь несколько штук. Надо искать трофейное.

С правой стороны улицы большой дом с полуподвальным помещением ². От центра города к нему протянулось несколько линий связи. Захожу в дом. Там уже несколько наших бойцов разбирают медикаменты, ищут бинты. Из подвала, опираясь на палку, выползает раненый наш боец. Он плачет. Я сперва не понял, думал, что его ранило в бою при взятии города.

Но где его шинель? Он был в одной гимнастерке и в ботинках с обмотками. Он говорит, что был в плену, что там, в подвале много наших тяжело раненых. Бойцы, разыскивавшие бинты, стали спускаться в подвал, а один побежал, чтобы встретить кого-нибудь из медиков.

Из подвала ползет еще один. Я думал, что он ползет на четвереньках, а у него не было обеих ног. Усадил его на полу, и стал расспрашивать из какой он части и как попал в плен. Он рассказал, что он из 602-го полка 82-ой дивизии, что второго ноября он своим пулеметом прикрывал отход бойцов полка от Дорохово между Минским и Можайским шоссе, был окружен фашистами. Весь день и всю последующую ночь, перетаскивая пулемет из одной ямы в другую, не подпускал к себе фашистов.

Когда кончились патроны, он лег на пулемет и подложил

под него гранату. Взрывом оторвало ноги. Таким его фашисты взяли в плен. Это был тот пулеметчик, которого мы слышали весь день второго ноября, и всю ночь на третье, когда ночью остатки третьего батальона 601-го полка держали оборону в лесу между Минским и Можайским шоссе, когда пересекли Минское шоссе и уходили на восток.

Это был тот пулеметчик, который своей пулеметной очередью, то длинной, то короткой, вселял в нас уверенность в победе.

В город вошли с севера и юга другие части, и к вечеру Можайск был полностью очищен от противника ³. В этот день я был свидетелем трогательной до слез встречи матери с сыном. Сын боец нашего полка прошел путь от Монголии до Можайска, и вот здесь после освобождения их родного города они встретились. На следующий день двигаемся по дороге на Бородино. Это была жуткая дорога. Сразу же за Можайском начали попадаться трупы наших бойцов. Некоторые были без обуви и в одних гимнастерках. Чем дальше шли, тем больше трупов. Это фашисты угоняли наших бойцов, попавших к ним в плен.

Всех, кто не мог двигаться, они расстреливали. Дальше пошло, что через каждые пятьдесят – сто метров — расстрелянный наш боец. Штаб полка остановился в деревне Кукарино. Деревня сожжена.

Фашисты, отступая, сжигали все деревни. Впереди шел бой наших передовых подразделений. Я с одним связистом нагрузился катушками с телефонным кабелем, прихватив аппарат, иду туда. У наших связистов, тянувших связь за передовыми подразделениями вот-вот должен кончиться кабель.

Необходимо своевременно пополнить им передовой расчет.

По пути изредка подсоединяюсь к уже протянутой линии. Контролирую ее исправность в обе стороны. Горит деревня Утица. Противник отходит. Наши бойцы по укатанной дороге двигаются на Семеновское.

Семеновское тоже горит. У моста через речку засада. Передовой взвод обходит ее и ударяет по ней вдоль речки. Фашисты бегут по полю к музею. Оставив одну бобину кабеля с собой, остальные передаем передовому расчету связистов. Подразделения двигаются дальше.

Подключив аппарат к линии, сообщаю в штаб, что наши подразделения двигаются к музею, что Семеновское все сгорело, уцелел только у моста один дом. В это время из дома слышу голос: «Товарищ, вы кто?»

Мне показался этот вопрос странным, так как слово товарищ мы между собой не употребляли, заменяя его словами "хлопцы", "братва" и т.д., только в официальном обращен к командиру употребляли это слово. «А ты кто?» — приготовил винтовку к бою и напарнику своему сказал, чтобы был готов.

Луна ярко освещала местность, так что для того, кто спрашивал, мы были ясно видимы, а мы его не видели.

— Вы русские?

— А ты кто? Фашист? А ну выходи на свет.

— А вы не будете в меня стрелять?

— Выходи, не будем.

На крыльцо вышел мужчина. Иду к нему, наказав товарищу держать дом на прицеле. На крыльце стоит мужчина в старой истрепанной нашей шинели. Когда я подошел к нему он снова спрашивает: «Вы русские?»

— Мы красноармейцы, разве не видно, а ты кто?

— Я бежал из плена. Когда нас гнали из Можайска, я

спрятался в этом доме. Немцы облили дом керосином и подожгли, а когда они ушли, я вылез из укрытия и потушил огонь. Они вернулись снова и снова подожгли, я вторично потушил, а тут начался бой.

Связавшись вторично со штабом, я сообщил, что один дом целый и в нем находится наш боец, бежавший из плена.

Мне приказали завести в дом шлейф, а пленного задержать до прихода штаба.

Завел шлейф в дом, подключил аппарат. Обгоревших мест в доме и снаружи дома незаметно, не пахнет и керосином.

В штаб сообщил, что связь в дом проложена. Из штаба приказали ждать их. Через несколько минут в дом заглянула пожилая женщина и снова вопрос: «Вы русские?»

— Мы, мамаша, не только русские, но и бойцы Красной Армии.

Она подошла ко мне и спросила, почему у меня на шапке не красная звездочка, а белая.

В ту пору за неимением эмалевых звездочек мы вырезали их из жести.

Убедившись, что я действительно красноармеец, она ушла. Не прошло и пяти минут, как в дом повалили и женщины и дети. Кто-то из них затопил печь, что-то натаскали варить.

И когда прибыл штаб во главе с полковником Берестовым и нач. штаба Дроздецким, дом был полон народу.

На улице уже рассветало. Сдав задержанного представителю органа "Смерш" [особого отдела], мы, несколько связистов, тронулись дальше. Перейдя мост, осмотрели гранитных орлов, которые для нас представляли большой интерес, так как мы были здесь впервые и тот интерес, что мы находимся на поле русской славы.

Дальше наш путь лежал туда, где виднелась громада
Бородинского музея.

Комментарии.

-
- ¹ Пригород Можайска, район деревень Ченцово – Чертаново.
² Здание бывших торговых рядов Можайска.
³ Город был освобожден 20 января 1942 г.